

ДОРОГАМИ ГУССЕРЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХИАТРИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПРОЕКТ ДЕСТРУКЦИИ ОСНОВАНИЙ*

О. А. Власова

*Курский
государственный
университет*

В статье анализируется проект феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа: реконструируются идеи Э. Штрауса, В.Э. фон Гебзаттеля, М. Босса и др. В качестве фундамента этого проекта автор предлагает рассматривать «деструкцию оснований» и подчеркивает, что в этой цели представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа продолжают идеи Гуссерля и Хайдеггера: Гуссерль и Хайдеггер стремились разрушить основания предшествующей им метафизики, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ — позитивистские основания психиатрии.

Ключевые слова: онтологический интерес, позитивистские основания, живой опыт, психическое заболевание.

Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ вызревают в философско-клиническом пространстве XX века, когда философия и психиатрия в поисках ответа на кантовский вопрос «Что такое человек?» обращаются друг к другу.

Представители феноменологической психиатрии (К. Ясперс, Э. Минковски, Э. Штраус, В.Э. фон Гебзаттель и др.) и экзистенциального анализа (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Кун и др.) обратились не столько к психическому заболеванию, сколько к патологическому опыту, к тому переживанию и существованию, которое стоит за обычным диагнозом. Карл Ясперс ввел в науку о душевных болезнях метод понимания, положив начало герменевтической традиции рассмотрения болезни. Адаптируя основные принципы описательной психологии Дильтея к психиатрической клинике, представители феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа стремились, одновременно, и истолковать смысл болезни, и вскрыть стоящую за ней экзистенциальную структуру, используя, наравне с герменевтикой, и метод структурного анализа.

Экзистенциально-феноменологическая психиатрия представила первый опыт экзистенциального, философского по своей направленности, толкования психического заболевания. Ее представители стали впервые говорить о том, что за психическим заболеванием стоит специфический экзистенциальный порядок, заданный изменениями темпоральности и пространственности. Этот порядок конституирует отличный от нормального опыт переживания реальности, самого себя, формирует другое существование. В патологическом опыте и патологическом мире течение времени ускоряется или замедляется, утрачивается связь с прошлым и направленность в будущее, исчезают пространственные акценты и размываются границы, человек погружается в пустоту и переживает свое бытие как не-существование. Именно такая философская теория лежит в основании экзистенциально-феноменологической традиции¹.

Развивая в психиатрии основные идеи феноменологии Гуссерля и Шелера, фундаментальной онтологии Хайдеггера или интуитивизма Бергсона, феноменологические психиатры и экзистенциальные аналитики неизменно заимствуют онтологиче-

* Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации (проект МК-1760.2008.6).

¹ Подробнее о феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе см. другие наши работы: Власова О.А. Философские проблемы феноменологической психиатрии. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007; Власова О.А. Философия и психиатрия в XX веке: пути взаимодействия. Москва; Нью-Йорк; Санкт-Петербург: Northern Cross Publishing, 2008.

ские идеи, обращаются, прежде всего, к онтологии. И даже когда заимствование идет через методологию или гносеологию, как, например, происходит с феноменологией Гуссерля, начальным моментом обращения к этим идеям становится *онтологический* интерес. Именно этот онтологический интерес отличает феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ как единую традицию от возникшей позднее антипсихиатрии² (Р.Д. Лэйнг, Д. Купер, Ф. Базалья, Т.С. Сас), где онтология идет в едином комплексе с антропологией, социальной философией и этикой, и первичность установить невозможно.

Что же стоит до этого онтологического интереса и каковы его следствия? Кризис психиатрии и одновременно стремительное развитие гуманитарных наук в начале XX века приводят психиатров к вполне понятному выводу о том, что психиатрия является наукой не только и не столько о больном организме, сколько о больном человеке. Позднее, в 1960-х, родоначальник антипсихиатрии Рональд Лэйнг в одном из своих интервью скажет, что «если кто-то стоит по ту сторону пропасти, он не прекращает быть человеком»³.

Вследствие указанных причин обращение к достижениям психологии, антропологии, философии и т.д. и включение интересующих психиатрию вопросов в максимально широкий гуманитарный контекст должно было привести к ее методологическому и концептуальному обогащению. Но почему же на первый план при этом вышла онтология, а не антропология, не этика или социальная философия? Здесь нужно помнить, что психиатры-антропологи, психиатры-этики, психиатры-психологи и психиатры-социальные философы в те времена тоже были. Вспомним хотя бы Ханса Принцхорна, Жоржа Дерево и др. Важно здесь то, что именно психиатры-онтологи смогли сформировать в этой ситуации единую традицию, существующую и развивающуюся до настоящего времени. Поэтому вопрос о «почему» тесным образом связан с вопросом о причинах, если можно так выразиться, актуальности и «живучести» онтологии для психиатрии начала XX века.

На наш взгляд, дело здесь в том, что привнесение онтологических идей в теорию и практику психиатрии способствовало выработке принципиально иных оснований, или, точнее, другой структурной сетки этой науки. Антропология, этика, психология, если перефразировать слова великого материалиста, есть лишь научная надстройка, базисом может быть лишь четкое представление о реальности, т.е. онтология. Онтология психиатрии начала XX века — это онтология позитивизма, на основании нее она сформировалась как наука, развивалась как клиническая практика, и поэтому отделить эту позитивную онтологию от психиатрии как естественной науки практически невозможно.

Новизна и принципиальная значимость проекта феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа не только для психиатрии, но и для философии состоит в том, что представители этой единой традиции попытались поставить на место позитивистской онтологии онтологию феноменологическую, изменяя таким образом саму сущность психиатрии как науки. Заменили они антропологию, психологию, этику, оставив прежний базис, и это было бы очередное позитивистское направление, обреченное на постепенное и неминуемое возвращение к начальной точке. Но необходимо отметить, что представители обсуждаемых в настоящей работе направлений при заимствовании онтологии ориентируются, прежде всего, на свои собственные предпочтения и убеждения: заимствованная ими онтология — это то, что считают онтологией именно они, что иногда расходится с мнением Гуссерля, Хайдеггера и т.д.

Экзистенциально-феноменологическая психиатрия оказалась не просто результатом развития идей феноменологии в клинике, по своей сущности она сопоста-

² Об антипсихиатрии см.: Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006.

³ Kirsner D. The human condition: An interview with R. D. Laing // Psychotherapy in Australia. 1996. № 2. P. 59.

вима с феноменологией Гуссерля и фундаментальной онтологией Хайдеггера — она стала проектом деструкции оснований; Гуссерль и Хайдеггер стремились разрушить основания предшествующей им метафизики, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ — позитивистские основания психиатрии. Именно поэтому для Эрвина Штрауса становится настолько актуальной критика Декарта и его последователей, ведь психиатрический позитивизм ему многим обязан. Именно поэтому экзистенциальный анализ, причем, несмотря на расхождения, и Людвиг Бинсвангер, и Медард Босс, подвергает критике психоанализ, несущий за маской новой онтологии закостенелый позитивизм. Остановимся кратко на некоторых проектах.

Эрвин Штраус противопоставляет свои идеи той традиции, которую в физиологии и психологии ощущений установил Р. Декарт, а также представил в своих работах Дж. Локк и другие эмпирики. Современная психология и психиатрия, по его мнению, в своих методологических и онтологических основаниях отсылают к этой традиции. Он считает, что Декарт со своим методом сомнения вытеснил непосредственный опыт за границы области достоверности. Следствием такого подхода стало постулирование того, что истинность и реальность достижимы только путем умозаключения и поэтому являются функциями суждения⁴. Штраус отмечает, что, следуя за Хайдеггером, он отвергает традиционную для классической науки дихотомию субъекта и объекта, но, тем не менее, выходит за рамки предложенного самим философом концепта бытия-в-мире. Этот концепт, на его взгляд, объясняет существование человека, но является онтологическим по своему характеру и поэтому не может быть применен к исследованию сенсорного опыта. Именно поэтому он и начинает разработку области исследования непосредственного сенсорного опыта человека, которую называет эстеziологией.

Критику Штрауса поддерживает и другой представитель феноменологической психиатрии — Виктор Эмиль Гебзаттель. Медицинская практика, на его взгляд, начинается с вопросов «Зачем Вы пришли?», «Что с Вами не так?», и все категории аристотелевской логики, на его взгляд, содержатся в этом фундаментальном вопросе — «Как, начиная с чего, когда, отчего, почему Вы стали страдать?». «Для медицины, — пишет Гебзаттель, — не существует больного человека, или если уж и существует, то только как объект медицины или привлекаемых ею смежных наук, подчеркнем: “лишь как объект”»⁵. Частные науки разделяют человека на части, которые в их пределах видятся более четко и ясно, а болезнь при этом понимается как синоним патологического состояния в соматической медицине. Но болезнь, на его взгляд, не идентична понятию патологического. Естествознание совершенно не интересуется экзистенциальным модусом человека, тем, какой модус стоит именно за его болезнью.

На той же интеллектуальной почве, что и идеи других феноменологических психиатров и экзистенциальных аналитиков, вызревает и Dasein-анализ прямого ученика Хайдеггера — Медарда Босса. Именно поэтому одним из обязательных его элементов является критика естественнонаучной парадигмы, в частности — психоанализа и психотерапии. На основании этой критики Босс определяет как специфику Dasein-анализа, так и его основную задачу. Он отмечает: «Каждая наука... в обязательном порядке — всегда и без исключений — строится на основании преднаучных допущений. Они составляют фундаментальную структуру...»⁶. Преднаучные допущения, фактически, связаны с философскими установками, задающими конкретную концепцию мироустройства и статус человека. Таковой для медицины, как считает Босс, является философская концепция природы, выдвинутая Декартом, Галилеем и Ньютоном, — та, которая в философии определяется как рационализм, или картезианство. Именно Декарт, по его убеждению, выделил ту область феноменов, исследованием которых

⁴ Straus E.W. *Phenomenological Psychology: The Selected Papers*. N.Y.: Basic Books, 1966.

⁵ Gebattel V.E., von. *Zur Sinnstruktur der ärztlichen Handlung // Prolegomena einer medizinischen Anthropologie*. Berlin: Springer, 1954. S. 362.

⁶ Boss M. *Existential foundations of medicine and psychology*. Trans. S. Conway, A. Cleaves. New York: Jason Aronson, Publishing Co., 1979. P. XVII.

теперь занимается современное естествознание. Эти установки, на его взгляд, включают признание возможности однозначной каузальности и четкого измерения объекта исследования. Врачи перенесли эти принципы на собственный «объект» — больного человека — и получили своеобразное «медицинское картезианство».

По мнению Босса, посредством установления универсальных законов функционирования живого естествознание пытается совершенно необоснованно расширить свои границы, игнорируя пределы естественнонаучного метода. «Естествознание настойчиво пытается охватить ряд феноменов, к которым не имеет никакого доступа, — феномены человеческого существования»⁷, — пишет он. Но мир человеческого существования, на его взгляд, не имеет ничего общего с естественнонаучным миром строгой каузальности и всеобщей измеримости, именно поэтому в отношении человеческого существования естественнонаучный метод бессилён, и исследователь «наталкивается на каменную стену».

Если в общем представить критику позитивистской психиатрии и ее оснований в экзистенциально-феноменологической психиатрии, то основными ее моментами является критика 1) понимания психически больного человека подобно объекту естественных наук; 2) классификационной симптоматически-синдромальной структуры психиатрии, скрывающей действительные проявления человека за набором ярлыков; 3) разделенности психики/сознания и тела, субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, препятствующей целостному пониманию человека; 4) преимущественного использования в исследовании психически больного человека методов естественных наук, вне их «антропологической» корректировки. В этом ключе развивалась и критика психоанализа как направления, в основании теоретической системы которого лежат парадигмальные установки позитивизма. И здесь весьма показательной является критика психоанализа, предложенная Хайдеггером. Психоанализ Фрейда, его сущность и направленность поэтому становится одной из тем его бесед с Боссом, а также вопросом, которого он касается на проводимых ими Цолликонских семинарах.

Психоанализ Фрейда Хайдеггер считал полной противоположностью своей экзистенциальной аналитики, видя основную угрозу в том, что «психология, которая давно превратилась в психоанализ, в Швейцарии и других странах занимает место философии (если не религии)»⁸. По его мнению, онтологической базой психоанализа, задающей его идеал научности, стала философия Декарта, а затем физика Галилея и Ньютона. Прямым предшественником психоаналитической теории Фрейда является при этом, на взгляд Хайдеггера, неокантианство. Очерчивая основную направленность психоанализа, он указывает: «Метапсихология Фрейда — это применение неокантианской философии к человеку. С одной стороны, он основан на естественных науках, с другой стороны, на кантианской теории объективности»⁹. В противоположность Фрейду, мыслитель, следуя за Кантом, понимает анализ не как расщепление и разделение, а как возвращение к единству онтологической возможности бытия сущего.

Развитая представителями феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа новая онтологическая система обозначает основой критики забвение живого опыта, того, что сам больной, которому стремятся поставить диагноз, интерпретировать и лечить, является прежде всего живым человеком, прямо сейчас сидящим напротив врача. И здесь снова замечен «феноменологический оттенок»: Гуссерль упрекает философию в забвении опыта сознания, опыта мышления, Хайдеггер — в забвении вопроса о бытии как таковом, экзистенциально-феноменологическая психиатрия атакует психиатрию за исключение живого человеческого опыта.

⁷ Ibid. P. 30.

⁸ Petzet H. Encounters and Dialogues with Martin Heidegger – 1929-1976. Trans. P. Emad, K. Maly. Chicago: Chicago University Press, 1993. P. 49.

⁹ Heidegger M. Zollikoner Seminare: Protokolle – Gespräche – Briefe. Hrsg. M. Boss. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1987. S. 260.

Отстаивая центральный для разработанной им эстеziологии тезис о том, что «чувственное ощущение не является формой познания»¹⁰, Штраус подчеркивает, что основной целью его работ является описание и определение сущности *непосредственного ощущения* (Empfinden), но не *ощущения испытываемого* (Empfindungen). Уже в самом выборе понятия — в субстантивном употреблении инфинитива — он, по его собственному убеждению, определяет область своего исследования, совершенно забывтую в картезианской психологии и психопатологии.

Эстеziология идет от противоположной картезианству перспективы — представляет непосредственный сенсорный опыт, свободный от традиционных предрассудков. Она изучает, каким образом человек функционирует в мире и каковы его особенности по сравнению с другими живыми существами. Взгляды Штрауса поддерживает и Гебзаттель. На его взгляд, «болезнь в первую очередь является способом человеческого бытия», и поэтому важнейшим для психиатрии должен являться вопрос о том, «что за реальность раскрывается во встрече с неповторимой, своеобразной личностью больного»¹¹.

Для Штрауса важно то, что ощущение развертывается вне сферы мышления и представляется непосредственным взаимодействием с миром. Эстеziология показывает, что мир един, но предстает перед нами состоящим из множества объектов и разделенным на разнообразные аспекты. При этом множественность связана с единством, разнообразие — с комплиментарностью. В отличие от других живых существ, человек наделен способностью переживать мир и является переживающим существом. Кроме того, человек обнаруживает себя в мире, но не открывает внешний мир в своем сознании, в одно и то же время он переживает и себя, и мир. «Опыт, — пишет Штраус, — не возникает в пределах изолированного организма, который осознает себя, свои «ощущения» до того, как осознает мир. Базисным феноменом сенсорного опыта является то, что мы одновременно осознаем мир и самих себя; не по одному, не один за другим»¹².

В рамках экзистенциального анализа в противоположность естественнонаучному методу предлагает собственный Dasein-анализ Медард Босс. Dasein-анализ опирается на парадигму философии, конкретнее — на фундаментальную онтологию Мартина Хайдеггера. Исследователь с уверенностью подчеркивает: «Есть достаточные основания, чтобы считать, что Dasein-анализ Мартина Хайдеггера подходит для постижения человека намного больше, чем понятия, введенные естествознанием в медицину и психотерапию»¹³. По его мнению, этот метод более объективен и научен, чем те направления, которые кладут в свою основу парадигму естествознания.

Фундаментальным отличием Dasein-анализа от естественнонаучных направлений ученый называет прямое обращение к человеку, его непосредственное постижение. По его мнению, тем самым предлагаемый метод не теряет проявления человека в запутанной сети научных абстракций и схем, но обращается к его непосредственному переживанию действительности. Необходимо чтобы Dasein-аналитик, а также любой человек, который занимается Dasein-анализом, воздерживался от любых ярлыков, любых априорных суждений, касающихся природы человека и его бытия. Босс отмечает: «Мы должны быть в состоянии воздержаться от толкования человека в рамках каких бы то ни было предвзятых и пагубных априорных категорий... Мы должны выбрать такой подход, который позволяет нам остаться открытыми настолько, насколько это возможно, и слушать, как человек является в своей непосредственной данности»¹⁴.

¹⁰ Straus E. Vom Sinn der Sinne: Ein Beitrag zur Grundlegung der Psychologie. Berlin: Springer Verlag, 1956. S. 1.

¹¹ Gebzattel V.E., von. Medizinische Anthropologie. Einführende Gedanken // Jahrbuch für Psychologie, Psychotherapie und Medizinische Anthropologie. 1959. № 7. S. 198.

¹² Straus E.W. On obsession. N.Y.: Coolidge Foundation Publishers, 1948. P. 20.

¹³ Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. Trans. L.B. Lefebvre. New York; London: Basic Books, 1963. P. 29.

¹⁴ Ibid. P. 32.

Следовательно, основание онтологической деструкции — антропологически ориентированная критика позитивистских оснований психиатрии. В силу шаткого положения, как результат кризиса и обилия новых веяний, психиатрия начала XX века начинает активно вглядываться в гуманитарные науки, и оказывается, что то, чего ей, как это ни странно, недостает, так это живого человека.

Как альтернативный позитивистскому проект, пусть даже и не всегда артикулируя их, экзистенциально-феноменологическая психиатрия предлагает новые онтологические основания. В схематическом виде, на наш взгляд, их можно представить следующим образом:

1. Патологическая реальность сознания и патологическое существование, иными словами, патологический опыт, являются объективной реальностью, переживаемой и данной больному.

2. То, что называется психической патологией в позитивистской психиатрии, есть результат трансформации онтологических оснований опыта индивида, приносящей ему вследствие расхождения онтологического модуса с общепринятым невыразимые страдания.

3. Эта трансформация происходит в двух основных направлениях — изменении пространственности и темпоральности опыта.

4. Для понимания типа и особенностей этих изменений необходимо вживание в опыт больного, понимание его отношений с миром.

5. Задачей психиатра является изменение отношений с миром, изменение опыта больного, по своей сути — своеобразная онтологическая адаптация.

Здесь необходимо помнить, что задача изменить онтологию науки чрезвычайно трудна, и осуществление подобного проекта неизменно повлечет за собой шлейф противоречий. Те, что возникли в феноменологической психиатрии и экзистенциальном анализе, имеют две основные причины: 1) невозможность резкого изменения парадигмы науки, и, как следствие, необходимость приспособления к ней нового проекта, т.е. необходимость компромисса; 2) столкновение феноменологической онтологии с клинической практикой, и вытекающие отсюда трансформации.

Таким образом, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ как единая традиция представляют собой проект деструкции онтологических оснований позитивистской психиатрии. Ставя на смену позитивизму феноменологию Гуссерля и фундаментальную онтологию Хайдеггера, они конституируют философско-клиническую, онтологически-онтическую, теоретически-практическую систему — метаонтологию, — основной проблемой которой станет проблема патологического опыта, его априори и его структуры.

Список литературы

1. Власова О.А. Философские проблемы феноменологической психиатрии. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. — 208 с.
2. Власова О.А. Философия и психиатрия в XX веке: пути взаимодействия. Москва; Нью-Йорк; Санкт-Петербург: Northern Cross Publishing, 2008. — 260 с.
3. Власова О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. — 218 с.
4. Kirsner D. The human condition: An interview with R. D. Laing // *Psychotherapy in Australia*. 1996. № 2. P. 59–61.
5. Straus E.W. *Phenomenological Psychology: The Selected Papers*. N.Y.: Basic Books, 1966. — 353 p.
6. Gebattel V.E., von. *Prolegomena einer medizinischen Anthropologie*. Berlin: Springer, 1954. — 414 S.
7. Boss M. *Existential foundations of medicine and psychology*. Trans. S. Conway, A. Cleaves. New York: Jason Aronson, Publishing Co., 1979. — 303 p.
8. Petzet H. *Encounters and Dialogues with Martin Heidegger — 1929–1976*. Trans. P. Emad, K. Maly. Chicago: Chicago University Press, 1993. — 251 p.

9. Heidegger M. Zollikoner Seminare: Protokolle — Gespräche — Briefe. Hrsg. M. Boss. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1987. — 369 S.
10. Straus E. Vom Sinn der Sinne: Ein Beitrag zur Grundlegung der Psychologie. Berlin: Springer Verlag, 1956. — 425 S.
11. Gebattel V.E., von. Medizinische Anthropologie. Einführende Gedanken // Jahrbuch für Psychologie, Psychotherapie und Medizinische Anthropologie. 1959. № 7. S. 193–198.
12. Straus E.W. On obsession. N.Y.: Coolidge Foundation Publishers, 1948. — 92 p.
13. Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis. Trans. L.B. Lefebre. New York; London: Basic Books, 1963. — 295 p.

BY HUSERL'S AND HEIDEGGER'S WAYS: PHENOMENOLOGICAL PSYCHIATRY AND THE EXISTENTIAL ANALYSIS AS THE PROJECT OF FOUNDATION'S DESTRUCTION

O. A. Vlasova

Kursk State University

In article the project of phenomenological psychiatry and the existential analysis is analyzed: E. Straus's, V.E. von Gebattel's, M. Boss's ideas are reconstructed. As the base of this project author suggests to consider of foundation's destruction and underlines, that in this purpose representatives of phenomenological psychiatry and existential analysis continue Husserl's and Heidegger's ideas: Husserl and Heidegger aspired to destroy the bases of metaphysics previous them, phenomenological psychiatry and the existential analysis are positivistic bases of psychiatry.

Key words: ontological interest, positivistic foundations, live experience, mental disease.